

УДК 3.39

DOI: 10.17223/22220836/35/25

М. Чепреги

СБОР ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА В РАЙОНЕ Р. ВАСЮГАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Финский исследователь К.Ф. Карьялайнен в период между 1898–1902 гг. провел четыре года на территории распространения хантыйского языка, в районе р. Оби и ее притоков. Он собрал достаточно богатый словарный, грамматический и фольклорный материал, большая часть которого была издана после его смерти финскими и венгерскими исследователями. В статье автор представляет собранный на территории р. Васюган материал, а также рассматривает его с точки зрения фольклора. С одной стороны, эти тексты являются самым древним языковым материалом на васюганском диалекте хантыйского языка, с другой стороны, они представляют жанры, о которых до этого времени мы мало знали на территории восточных ханты.

Ключевые слова: хантыйский язык, васюганский диалект, Карьялайнен, героическая песня, мухоморная песня.

Река Васюган и ее окрестности являются самой восточной и самой южной точкой языковой территории распространения хантыйского языка. Большинство носителей хантыйского языка проживает в Тюменской области, а именно в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра и Ямало-Ненецком автономном округе, в тесном соседстве с самыми близкими сородичами по языку – с манси. Однако васюганские ханты живут далеко от центров ханты и обских угров, в другой административной единице, на территории Томской области. Этот факт, а также произошедшие за последнее столетие бурные исторические события способствовали тому, что на сегодняшний день, как предполагается, уже никто не владеет васюганским диалектом хантыйского языка. Вот почему так важно, чтобы вся информация, которая была собрана об этом языке и культуре, увидела свет, стала доступна для научного общества, а также для коренного населения ханты.

Уже в XIX в. местные чиновники информировали об осятках Нарымского края. Среди них следует упомянуть Н.П. Григоровского [1, 2] и А.Ф. Плотникова [3]. После появления теории родства финно-угорских языков венгерские и финские исследователи заинтересовались сородичами по языку, проживающими на территории России. Некоторые из них даже достигли р. Васюган. Первым из венгров совершил поездку по р. Васюган в 1888 г. этнограф Карой Папай [4]. Цель созданного в Хельсинки Финно-угорского общества – собрать как можно больше материала о финно-угорских языках и народах, говорящих на этих языках. Обществом были отправлены исследователи и к народу ханты. Среди них двое собирали материал на территории Васюгана: этнограф У.Т. Сирелиус [5] и языковед К.Ф. Карьялайнен. О его наследии говорится в данной статье. Важную роль в изучении васюганских ханты в XX в. сыграли томские ученые. В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина провели этнографические и мифологические исследования [6, 7], Л.И. Калинина

исследовала топонимы, но также опубликовала тексты [8–11]. Эти тексты стали доступны для международного финно-угорского сообщества благодаря языковеду Ласло Хонти [12, 13]. В своих публикациях Хонти использовал фонетическое обозначение, что и немецкий языковед Вольфганг Штейниц в своих публикациях [14]. В сотрудничестве с томскими учеными с 1990-х гг. проводил свои исследования венгерский этнолог Золтан Надь. Также он принял участие в подготовке к печати хантыйско-русского словаря, составленного М.К. Могутаевым [16]. Словарный материал васюганского диалекта присутствует в большом количестве в словарях диалектов хантыйского языка [17–19]. А.Ю. Фильченко опубликовал грамматику васюганского диалекта хантыйского языка и тексты [20–22]. Список вышеперечисленных работ не полный, служит только для информации.

Исследовательский путь К.Ф. Карьялайнена

Финно-угорское общество поручило провести исследования диалектов хантыйского языка на месте их распространения молодому языковеду Кустаа Фредерик Карьялайнену (1871–1919). Когда Карьялайнен отправился в путь, ему исполнился всего 21 год, но он уже получил опыт полевой практики по сбору языковых материалов и фольклора среди различных карельских групп. На территории Оби в период между 1898–1902 гг. он провел более четырёх лет. За это время он обошёл почти все поселения хантов, расположенные вдоль р. Оби и её притоков. Свой исследовательский путь он начал на притоках Иртыша, объехал реки Демьянка и Конда. Оттуда он направился в Сургут, но в скором времени продолжил свою дорогу по направлению к р. Вах. После недолгого пребывания в Финляндии в июне 1900 г. он вернулся в Западную Сибирь и поехал в Нарым. В районе р. Васюган он провел около трех месяцев, с начала июля до конца сентября. Затем он отправился вдоль Оби через Сургут на территорию северного диалекта хантыйского языка, в Берёзово и в Обдорск. Когда летом 1902 г. Карьялайнен вернулся домой, кроме словарных, грамматических и полевых материалов он привез с собой фотографии и звуковые записи (которые записывал фонографом), кроме этого, у него было множество записей по этнографии и народным верованиям, а также он подготовил большое количество записей о численности ханты, их демографической ситуации.

По возвращении домой, наряду с небольшими работами, он издал три важные монографии по языкознанию [23], этнолингвистике [24] и мифологии [25]. Эти произведения позже были переведены на немецкий [26] и русский языки [27]. Из-за ранней кончины Карьялайнену не удалось опубликовать все свои собранные материалы. Двухтомный диалектологический словарь издал Юрьё Тойвонен в 1948 г. [17], а венгерская исследовательница Эдит Вертеш выпустила грамматические записи [28] и тексты на южных диалектах хантыйского языка [29]. После смерти Эдит Вертеш копии рукописей, записанных Карьялайненом на восточных диалектах хантыйского языка, достались мне, и я начала заниматься их расшифровкой [30, 31].

Так как Карьялайнен проводил свои исследования по поручению и с помощью Финно-угорского общества, его наследие будет издано в серии публикаций Финно-угорского общества. Считаю правильным, чтобы перед публикацией текстов появилась информация о характере и содержании рукописей.

Восточно-хантыйские тексты Карьялайнен записал на трех территориях. На территории р. Тромьеган, которая относится к сургутским диалектам, он записал собрание объемом в 68 страниц. В этом собрании есть три песни медвежьих игрищ, одна длинная героическая песня, несколько коротких клятв и жертвенных молитв, а также 25 загадок. К последним прилагается перевод на финский язык. Остальные тексты остались без перевода, возможно на полях записей можно найти несколько пояснений по-фински или по-русски. Это относится также и ко всем другим записям Карьялайнена.

В Ликрисово, которое находилось на границе территорий сургутского и вах-васюганского диалектов, Карьялайнен записал пять коротких песен медвежьих игрищ, объемом в семь страниц.

Васюганское собрание – самое обширное, объемом в 89 страниц. Далее я представлю этот материал с содержательно-жанровой точки зрения.

К сожалению, нам очень мало известно об информаторах. Собиратели сто лет назад очень лаконично заявляли как об обстоятельствах сбора полевых материалов, так и об информаторах. В конце некоторых тромьеганских текстов можно прочесть имя Ал. Кечемеп. Он, по всей видимости, родственник по восходящей линии современных ханты по имени Кечемов / Кечимов. У информатора из Ликрисово Карьялайнен указал только возраст (69 лет). Исходя из этого, из скопированных Карьялайненом и охраняемых в архиве Финно-угурского общества церковных свидетельствах о рождении можно было найти его имя: Алексей Ни[ки]форовичь Черкасовъ. В васюганских записях фигурирует только одно имя: Исидорь Васильевичь Юрломгинь, юрты Юрломгины. Трудно представить, что за три месяца, пока Карьялайнен путешествовал по р. Васюган, он контактировал только с одним информатором [30].

Рукописи Карьялайнена упорядочены и хорошо читаются. Та версия, которая находится в архиве Финно-угурского общества, пожалуй, не первая запись, а его чистовой вариант. Тексты Карьялайнен, безусловно, готовил к изданию и непрерывно ими занимался. В своей большой монографии по мифологии «Религия югорских народов», например, он дословно приводит финский перевод многих молитвенных текстов и клятв и подробно рассказывает содержание некоторых мифических песен.

Записанные К.Ф. Карьялайненом фольклорные тексты на васюганском диалекте хантыйского языка

Героическая сказка

Текст, состоящий из 1 071 строки и находящийся на 1–50 страницах рукописи, вариант героической песни в прозе. Финское название, которое дал Карьялайнен, гласит: *Laulun sanoilla puhuva*, «говорящий словами песни», т.е. информатор предположительно, используя выражения героической песни, продиктовал запутанную историю. Текст делится на две части. Первая часть (*Esilaulu* «запевка», с 1-й по 74-ю строку) говорит о том, как певец приобретает слова песни во время путешествия по небу. Вторая часть (*Varsinainen laulu* «сама песнь» 75–1 071-я строка) описывает битвы героя песни, богатыря по имени «Броня, украшенная картиной звездного неба». Герой бьет врага железной дубиной в 300 пудов, который, как и он, награжден божественной

силой. Певец отождествляет себя с главным героем, говорит в первом лице единственного числа.

В своем очень обстоятельном и подробном предисловии к антологии по обско-угорской эпической народной поэзии, Н.В. Лукина среди прочего отмечает, что в обско-угорских жанрах отражены представления о существовании трех эпох: 1) самая древняя эра, время первотворения, мифологическое время божеств; 2) богатырская эпоха; 3) эпоха хантыйско-мансийского человека [32. С. 33]. Героические песни и героические сказки относятся ко 2 эпохе, но герои находятся в тесной связи с богами. В васюганском диалекте они называются словом *юук*, которое означает 1. божество, (родовой) дух или злой дух; 2. богатырь, герой песни или сказки [17. Р. 1065; 18. S. 777; 19. С. 219]. Из записанной Карьялайненом истории выясняется, что родители главного героя Великая Мать Земли и Небесный отец (Торум отец). Эпитеты Небесного отца: золотоглавый железный бог, сидящий на семидесятом небе. Карьялайнен писал о нем так: «В героических песнях и сказаниях Васюгана очень часто встречается обращение „Вечно живущий Тогэм-господин-отец“ или „Вечно живущий железный Тогэм отец“, где имеется в виду небесный бог или скорее христианский бог в языческом окружении. На последнее толкование указывает, очевидно, название „Железный Тогэм“, которое могло возникнуть из названия изображений святых» [27. Т. 2. С. 195].

Предмет героических песен северных и южных ханты – чаще всего «военные походы богатырей с целью сватовства либо кровной мести, сражения с другими богатырями или с иноплеменниками, иногда с мифологическими существами. Повествование начинается с выезда героя из дома и заканчивается либо прибытием его в иной город, иную землю, либо возвращением домой» [32. С. 48]. Напротив, в данной героической песне не говорится о браке, кроме Матери Земли, в них не упоминаются другие женщины. Главный герой неоднократно повторяет, что не знает, зачем его отправили на битву, что ему не за что мстить. Хотя у него есть армия, но она не принимает участия в битве, почти невидима, «с размером ногтя крохали». Очень жесток – вырезает и съедает сердце поверженного врага, скальп привязывает на пояс, но всё же отдаёт последние почести своему врагу. Хоронит его, к голове могилы закрепляет меч, на него вешает колокольчики. Он делает это для того, чтобы, когда подует ветер в колокольчики, покойный почувствовал, будто он слушает песню девушек дома. Таким образом покойный герой во время «девочек, после этого родившихся, мальчиков после этого родившихся» тоже может стать «жертвоприношение принимающим духом». Главный герой песни заключает мир с врагами, а затем все вместе под огромной лиственницей дают клятву, что больше не будут нападать друг на друга. Текст этой клятвы Карьялайнен включил в свою монографию о мифологии обских угров: «Знаменитая большая лиственница *tōrəm'a*, слушай! Мы пришли к тебе клятвой *tōrəm'a*, клятвой земли поклясться пришли мы, на нижней части ствола большой лиственницы вырезали мы лик *tōrəm'a*, лик земли острым концом меча» [27. Т. 3. С. 138].

Персонажам северных и южно-хантыйских героических песен часто помогают (сказочные) животные, или же они сами становятся животными. В данной истории лошадь является таковым помощником главного героя, которая по его зову всегда появляется в облаках и доставляет его туда, где

приказали быть его мать или отец. Герой почти становится единым целым с лошадьёю, оба часто получают понятие «приносящий песню, приносящий сказку». Их путь проходит через огненные моря, непроходимые горы, они ходят не в земных краях.

Описания в сказках обычно очень точные, подробные и наглядные. Сходства появляются из местной природной среды. Когда, например, герой надевает доспехи, сначала пропихивает голову, затем два плеча, потом наклоняясь вперед-назад натягивает на себя семь слоев. Передвигаясь по дому, он двигается, как рыба, наполненная икрой. Половые доски изгибаются под ним, а он сам выглядит, как каменный блок (210–235-я строка рукописи).

Герой также обладает трогательными человеческими чертами. Однажды ему кажется, как будто за ним следят, слышит шаги. Оглядывается, но никого не видит. Потом догадывается, что слышит стук своего сердца, которое от страха почти выпрыгивает из своего места (329–334-я строка рукописи).

Другой враг молит за свою жизнь: «Не разорви мою душу размером с одну травинку» (строка 740). Эти красивые определительные конструкции и часто трудные для понимания сравнения, которые, вероятно, вызывали трудности и у Карьялайнена, можно перечислять и дальше.

На 79–82-й страницах рукописного собрания есть текст объемом в 57 строк, спетый вариант начала героической песни, рассказанный в прозе. По крайней мере, написание указывает на песню, потому что текст разбит на стихотворные строки. Речь идет о том, как певец получает слова песни. Два текста используют одинаковые поэтические инструменты, поэтические выражения, обороты фраз, а также имеют одинаковое название: «Семь песен, семь сказок». Текст не законченный, запись прерывается на середине предложения. Мы не знаем, что было озвучено первым. Возможно, что Карьялайнен начал записывать сначала песню, и певец позже перешел на рассказ. Диктовать песню очень сложно. Певцу часто приходится останавливаться, прерывать свою песню, хотя собиратели сходятся во мнении, что пение героических песен проходит почти в трансе.

Мухоморная песня

На страницах 51–70 собрания рукописи есть песня, жанр которой на хантыйском языке называется *паулэмнэу*, т.е. мухоморная песня. Согласно книге «Религия югорских народов» можно сделать вывод, что Карьялайнен неоднократно был свидетелем поедания мухоморов и много раз слышал песни, рожденные под влиянием мухоморов не только на Иртыше и на территории сургутского диалекта, но и на Васюгане. Это подтверждают следующие цитаты: «В мухоморных песнях, т.е. описаниях путешествий шамана или наевшихся мухомора *рапх*, упоминаются семь дочерей небесного бога (...) Рассказы о творческой деятельности небесного бога здесь не известны, как, например, встречающийся в песнях эпитет жертвенного дома «жертвенное дерево, принимающее жертвы, которое создал Торэм» [27. Т. 2. С. 196].

«Применение мухомора *рапх* как одурманивающего средства – широко распространенный обычай у югров, который глубже всего укоренился в южных областях. Обычай упоминается также в районе Березово с добавлением, впрочем, что он редок; однако в районе Обдорска он неизвестен. (...) Это одурманивающее средство ворожеи поставили на службу своим особым це-

лям; они применяют его на Тремюгане, ещё чаще на Васюгане, постоянным возбуждающим средством он является на Иртыше, и с той же целью его вкушают кое-где на вогульской территории. Съедобна у *рапх* только верхняя часть шляпки, которая очищается от ножки и трубочек; едят его сырым – прямо из лесу, но чаще, и на Тремюгане почти исключительно, высушенным на солнце или в печи: запасы на зиму, естественно, всегда высушены. (...) По мнению васюганцев, сила гриба происходит оттого, что он возник из слюны небесного бога, и гриб так силен, что, съев его, черт был без сознания семь дней и ночей. Поэтому и люди не должны есть его слишком много. Кто съест слишком много, у того сжимаются зубы и изо рта идет пена, глаза становятся неподвижными, и спасти его можно только насильственным введением молока или соли; ибо об этих веществах „*рапх* не хочет ничего знать“. Самым действенным является „королевский мухомор“ – маленький гриб с высокой ножкой и одним-единственным белым пятном на середине шляпки; вокруг него растут по кругу обычные более мелкие экземпляры. Эти воззрения васюганцев – из сказок, но, основываясь на церемониях, мы видим, что по отношению к *рапх* наблюдается осторожная сдержанность. Когда васюганец вкушает гриб, он всегда оставляет половинку последнего гриба и прячет ее, ибо тогда гриб не может причинить вред во всю свою силу.

Следствием вкушения было одурманивание, вызывающее желание петь, которое могли подавить только немногие. Воздействие продолжалось „с утра до захода солнца“, говорит информатор. (...) Перед одурманенным мухомором „танцуют“ невидимые для других *рапх*'и, то есть они маршируют в направлении солнца и поют песню, которую слово в слово повторяет одурманенный остяк, так что для ворожея-предсказателя *рапх*'и являются „запе-валами“. Одновременно *рапх* сообщает ворожею, что он хочет узнать» [27. Т. 3. С. 207–208].

Краткое изложение 379-строчной песни, зафиксированной Карьяланеном, следующее: певец заявляет, что он является «толкователем бога, делящего животных, делящего рыб», говорит, что мухомор семь дочерей верховного бога (Нум Торум) спустили людям. Только что съеденный гриб в рот певцу положила младшая дочь верховного бога. Певец и публика собрались в таком доме, где уже и раньше много ели мухоморов («дом, в котором съели сто мухоморов, женское божество, которое съело сто мухоморов»). Песня содержит много повторений. Из казалось бы бессвязных строк выясняется, что песня служит для обучения молодых, вступающих в брак. Певец призывает молодых к правильной речи: «Умная девочка, умный мальчик, помни, не говори на языке грешного!». Согласно учению, если они сделают так, то боги подарят им удачу на охоте и рыбалке («бог даст животное, рыбу даст»). Но если все же произнесут плохие слова, для примирения богов зажигают в церкви свечу, т.е. «в трехглавом доме бога» – три головы, вероятно, означают купола православного храма. Свечи нужно зажечь перед «каменным лицом моего отца, перед каменным лицом моей матери». Эти выражения в хантыйском языке обозначают иконы.

Эффект мухомора известен и юганским ханты. По моей просьбе Л.Н. Каюкова резюмировала полученную от старейшин информацию следующим образом: «Пӓӓ арӓх» («мухоморная песня») начинает звучать будто изнутри человека сама собой, будто «мухоморщиком» завладело какое-то

божество, какой-то дух, какая-то нечистая сила. После того, как шаман, любой человек (старый мужчина или молодой юноша, женщина или девушка) употребит этот ядовитый гриб. Мухоморной песней гадали, предвещали, лечили, заклинали. Кто-то объяснял, что нельзя употреблять мухомор с частыми многочисленными белыми пятнышками – будет быстрое пение, слова будут вылетать, как птички. Со сплошным покрытием на головке тоже нельзя употреблять – будут слова сливаться. Собирать грибы нужно в чистом бору, тогда лёгкая и приятная песня будет звучать. А если собирать на плёсах (песках), где много прибрежных кустарников, то песня будет путанная, тяжелая, дурная. Как бы будешь блуждать в своих мыслях. Надо собирать в определённом месте, где стоят 7 мухоморов. Самый маленький из них самый «честный» [из письма Л.Н. Каюковой, 19. 03. 2018].

Личные песни

На с. 71–78 рукописи Карьялайнен записал короткие лирические песни. Среди них есть три песни, которым он дал собирательное название на финском языке *Rakkauslaulu* «любовные песни». Современная литература по фольклористике называет эти обско-угорские импровизационные песни личными.

Любовная песня I: песнь из 35 строк. Карьялайнен даже записал место жительства автора этой песни: девушка из дер. Югины по р. Васюган, юноша с р. Нюролька. Согласно записям Карьялайнена Югины – это селькупская деревня, на хантыйском языке называется *təʎaləŋ ruʎəl* 'деревня начало земли' [17. С. 505], р. Нюролька по-хантыйски *jarəŋ jaʎ joʎəŋ* 'река самоедов', проживающих там ханты именуют *jarəŋ jaʎə jaʎ* 'народ реки самоедов' [17. Р. 141; 15. С. 38].

Авторы песни представляются в её первых строках. Выражение «нами двоими сделанная песня» показывает связь двух молодых людей, но в дальнейшем больше походит на предложение девушке выйти замуж. Юноша говорит девушке, просит, чтобы она была его парой: «сидишь рядом с моими коленями, если выйдешь за меня замуж». Свою любовь выражает так: «если бы у меня было два сердца, одно отдал бы тебе, если бы было две души, одну отдал бы тебе». Обещает, что вместо родителей заплатит дан «белому царю», «поднимет её голову в меховой шапке к небу». После говорит: «Дорогая моя подруга Федося, было бы очень хорошо, если мы вместе пойдём в церковь и зажжём три свечи» – этот акт, вероятно, означает заключение брака.

Любовная песня II: Песнь из 30 строк, называется *äj jiʎəl ruʎəl* 'маленькая речушка деревня', деревня вдоль р. Чертала [17. Р. 4] Ай-игал-пугол [15. С. 17]. Заметки Карьялайнена на полях: «девушка сочинила эту песню».

В песне девушка скучает по возлюбленному, который один ушел на охоту. Она его ждет обратно и надеется, что пока ее возлюбленный ест рыбу, ходит по лесу, возможно, думает о ней. Она ждет своего возлюбленного у узкого мостика у речки, но также ждет, когда придёт «бочка с деревянным обручем», чтобы опять могла взять в руки «свою рюмку с размером оленьего зрачка».

Любовная песня III: Песня, состоящая из 29 строк, рассказывает о том, что когда женщина пересекла ветреную реку, её лодка чуть не перевернулась. Опасность внезапной смерти заставила её задуматься над тем, что произойдет после её смерти. Она просит жителей деревни позаботиться о его четырех сы-

новьях, чтобы им не пришлось «плакать слёзы на четыре стороны». В культуре ханты избегают оплакивать покойного, потому что слезы по умершим увеличивают бремя покойного. Плач «на четыре стороны» в героических песнях – образ, когда герой молит за жизнь [17. Р. 253]. Она просит, чтобы её похоронили в достойном месте, а если нет, то в день её поминки его могила разрушится на две половины. Для удачи она приносит рыбу в дар богам.

Колыбельная: Состоящая из 22 строк колыбельная начинается запевкой *лу-лу-лу-лу*, потом говорит о раскачивании самой колыбели: «На правой стороне бывающей жилистой моей правой рукой я тебя раскачиваю, на правой стороне бывающей жилистой моей правой ногой раскачиваю тебя». Мы узнаем, что колыбель была сделана отцом ребенка из дерева, обтянута кожей и повешена на рога оленя, «сделана русским топором, брусчатом доме, размещенном на трех столбах».

Мукутавск. юрт: Фрагмент песни из 6 строк, в конце стоит примечание Карьялайнена: «и т.д.», т.е. песня продолжается, но собиратель, возможно, не считал важным записать. Название деревни Мукутаевы на хантыйском языке *tīyāt imā ruḡāl* 'огнем съеденная (=сжиганная) деревня' [18. S. 1421; 15. С. 17, 39]. В песне поют о том, что люди на мысе «Мукетай» ждут, когда привезут «бочки с деревянным обручем».

Песня о медведе (для детей): Песня состоит из 27 строк, в которой медведь рассказывает от первого лица единственного числа, что по пути он услышал звук топора, потому что поблизости человек рубил дерево для лодки. Хотел на него напасть, подобрался к нему, но борьба для него оказалась поражением, со стыдом убежал. Согласно записи Карьялайнена, это детская песня, соответственно, можно предположить, не из репертуара песен медвежьих игрищ.

Песня с целью обучения: согласно мировоззрению ханты человек делится лесом с медведем, но оба должны уважать жизненное пространство другого. Поэтому идя по лесу, человек создает шум, тем самым предупреждая медведя, чтобы он избегал тропы, по которым идет человек. Если человек показывает шумом топора свое присутствие, а медведь все равно на него нападает, тогда это плохо заканчивается для медведя.

Среди васюганских ханты раньше не были опубликованы ни героические песни, ни мухоморные песни. Возможно, что существуют диктофонные записи с подобными песнями, но они во владении собирателей или в архивах ждут своей публикации. Поэтому я считаю важными эти два текста для публикации, но и более короткие жанры способствуют лучше узнать фольклор васюганских ханты.

Литература

1. Григоровский Н.П. Очерки Нарымского края // Записки Западносибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 4. Омск, 1882. С. 1–60.
2. Григоровский Н.П. Описание васюганской тундры // Записки Западносибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 6. Омск, 1884. 70 с.
3. Плотников А.Ф. Нарымский край. СПб., 1901. 366 с.
4. Надь З. Карой Папай : венгерский исследователь на территории Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова. Томск, 2012. С. 187–215.
5. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 342 с.
6. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Томск, 1977. 225 с.

7. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Васюган; Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 1. 336 с.
8. Калинина Л.И. Хантыйская сказка // Языки и топонимия Сибири / под ред. А.П. Дульзона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1966. С. 88–95.
9. Калинина Л.И. На берегу чертовой речки // Языки и топонимия Сибири / под ред. А.П. Дульзона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 19–27.
10. Калинина Л.И. Три сына (хантыйская сказка) // Языки и топонимия Сибири / под ред. А.П. Дульзона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 45–60.
11. Калинина Л.И. Сказки и бытовые тексты (Васюган) // Сказки народов Севера / под ред. Т.И. Поротова. ТГУ. П-2. 1976. С. 124–138.
12. Honti L. Vaszjugáni osztlák szövegek // Nyelvtudományi Közlemények. 1982. 84. P. 121–164.
13. Honti L. Vaszjugáni osztlák mese // Nyelvtudományi Közlemények. 1984. 86. P. 185–190.
14. Steinitz W. Dialekt von Vasjugan // Texte aus dem Nachlass. Ostjakologische Arbeiten III. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1989. S. 559–573.
15. Надь З. Васюганские ханты : Изменение религиозной системы в XIX–XXI веках. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 294 с.
16. Мозутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск : Томский гос. пед. ун-т, 1996. 348 с.
17. Karjalainen K.F., Toivonen Y.H. Ostjakisches Wörterbuch. Lexica Societatis Fenno-Ugricae X/I–II. Helsinki, 1948. 1199 p.
18. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1–14. Lieferungen. Berlin : Akademie Verlag. 1967–1991. 2023 S.
19. Терёшикин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л. : Наука, 1981. 544 с.
20. Фильченко А.Ю. Аспекты грамматики восточно-хантыйских диалектов. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010. 553 с.
21. Filchenko A. Indigenous Languages & Cultures of Siberia. URL: <http://www.policy.hu/filchenko/Documenting%20Eastern%20Khanty/Vasyugan%20Language.htm> (дата обращения: 11.07.2019).
22. Калинина Л.И., Фильченко А.Ю. Хантыйские тексты // Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 12–44.
23. Karjalainen K.F. Zur ostjakischen Lautgeschichte I. Über den Vokalismus der ersten Silbe. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 23. Helsinki, 1905. 304 p.
24. Karjalainen K.F. Wie Ego im Ostjakischen die Verwandten benennt // Finnisch-ugrische Forschungen 13/ 1913. S. 207–295.
25. Karjalainen K.F. Jugralaisten uskonto. Suomensuvun uskonnot III. Porvoo: WSOY, 1918. 601 p.
26. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugravölker I–III. Folklore Fellows Communications, Porvoo. 1921. № 41. 214 S.; 1922. № 44. 386 S.; 1927. № 63. 352 S.
27. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / пер. Н.В. Лукиной. Т. 1–3. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995, 1996. Т. 1. 151 с.; т. 2. 384 с.; т. 3. 264 с.
28. Karjalainen K.F., Vértés E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 128. Helsinki, 1964. 341 p.
29. Karjalainen K.F., Vértés E. Südostjakische Textsammlungen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 157. Helsinki, 1975. 256 p.
30. Чепреви М. Восточно-хантыйские тексты с конца XIX века // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2011. Pars IV. P. 53–60.
31. Чепреви М. О лексике мифических песен обско-угорских народов // Языки и культура народов Арктики как полиэтнического региона в условиях глобализации : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск : Изд-во ЮГУ, 2018. С. 51–57.
32. Лукина Н.В. (ред.) Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. : Наука, 1990. 568 с.

Márta Csepregi, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary).

E-mail: marta.csepregi@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 35, p. 275–285.

DOI: 10.17223/22220836/35/25

A COLLECTION OF FOLKLORE ALONG THE VASYUGAN RIVER AT THE BEGINNING OF THE 20ST CENTURY

Keywords: Khanty language; Vasyugan dialect; Karjalainen; heroic song; fly agaric song.

The Finnish researcher K.F Karjalainen spent four years (1898–1902) in the Khanty-speaking region of the River Ob and its tributaries. His work resulted in a rich collection of dictionary, grammatical and folklore material, most of which was published by Finnish and Hungarian researchers, after his death. The texts which Karjalainen transcribed in the Eastern Khanty region have so far remained manuscripts, and are now being prepared for publication. The author of the study presents Karjalainen's research conducted in the region of the Vasyugan River, and also describes the collections of texts from a folkloristical aspect.

Karjalainen transcribed texts of the Eastern Khanty dialect in three places. Along the Tremyugan River, a territory belonging to the Surgut dialect, he wrote 67 pages of text. This includes three bear songs, a long heroic song, and the texts of vows, prayers and 25 riddles. In his whole legacy only the riddles are translated into Finnish. The rest of the texts are merely in Khanty with sporadically a few comments in Finnish or Russian on the margins. In Likrisovo, on the border of the Surgut and the Vakh dialect, Karjalainen transcribed five short bear songs.

The Vasyugan collection is of the greatest volume, it is 89 pages long. It includes a long, 1017-line heroic tale, which tells the story of the battles of a man of divine origins, the son of Mother Earth and Father Sky. The purpose of battles in the Khanty heroic songs is usually obtaining a wife or some kind of vendetta. Heroic songs from Vasyugan have nothing to do with marriage; apart from Mother Earth no other women are mentioned. The protagonist comments several times that he does not know why he has been sent to battle, there is nothing to take revenge for. Characters in Khanty heroic songs are often helped by mythical animals, or they themselves turn into animals. In the tale from Vasyugan it is the horse of the protagonist who appears from the clouds every time he calls for it, and takes the hero wherever his father or mother has ordered.

The transcribed texts also include a 379-line fly agaric song and a few individual songs. The fly agaric song serves as a teaching for young people preparing for marriage. The singer emphasises the importance of appropriate speech in order for the gods to provide good luck in hunting and fishing. If, however, inappropriate words have been uttered, lighting a candle in the church can make up for it. The individual songs are about love, and one aims to teach. It talks about how humans and bears live together in the forest, but both have to respect each other's territory.

The texts are significant from both a linguistic and a folkloristic point of view. On the one hand, these are the oldest coherent texts recorded in the Vasyugan dialect of Khanty, on the other hand, they represent genres (heroic songs and fly agaric songs), which so far were little known in the Eastern Khanty region.

References

1. Grigorovsky, N. P. (1882) *Ocherki Narymskogo Kraya* [Outlines of Narym Krai]. In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Essays of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Omsk: [s.n.].
2. Grigorovsky, N. P. (1884) *Opisanie vasyuganskoy tundry* [The description of the Vasyugan Tundra]. In: *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Essays of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 6. Omsk: [s.n.].
3. Plotnikov, A.F. (1901) *Narymskiy kray* [The Narym Krai]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum.
4. Nagy, Z. (2012) *Károly Pápai: vengeryskiy issledovatel' na territorii Tomskoy oblasti* [Károly Pápai – A Hungarian researcher in Tomsk Region]. Tomsk: The Tomsk Museum of Local Lore. pp. 187–215.
5. Sirelius, U.T. (2001) *Puteshestvie k khantam* [A Journey to the Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Kulemzin, V.M. & Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX vv. Etnograficheskie ocherki* [The Vakh and Vasyugan Khanty at the end of the 19th – early 20th century. Ethnographic essays]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Lukina, N.V. (2004) *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyarya. Istochniki po etnografii* [Khanty from Vasyugan to the North Pole. Ethnographical Sources]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kalinina, L.I. (1966) *Khantyyskaya skazka* [A Khanty tale]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Siberian languages and toponymy]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 88–95.
9. Kalinina, L.I. (1970a) *Na beregu chertovoy rechki* [On the bank of the Devil River]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Siberian languages and toponymy]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 19–27.

10. Kalinina, L.I. (1970b) Tri syna (khantyyskaya skazka) [Three sons (A Khanty tale)]. In: Dulzon, A.P. (ed.) *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Siberian languages and toponymy]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–60.
11. Kalinina, L.I. (1976) Skazki i bytovye teksty (Vasyugan) [Tales and stories (Vasyugan)]. In: Porotova, T.I. (ed.) *Skazki narodov Severa* [Tales of the Siberian North]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 124–138.
12. Honti, L. (1982) Vaszjugáni osztják szövegek [Vasyugan-Khanty texts]. *Nyelvtudományi Közlemények*. 84. pp. 121–164.
13. Honti, L. (1984) Vaszjugáni osztják mese [A Vasyugan-Khanty tale]. *Nyelvtudományi Közlemények*. 86. pp. 185–190.
14. Steinitz, W. (1989) Dialekt von Vasjugan. In: Hartung, L., Hauer, P., Sauer, G. & Schulze, B. (eds) *Ostjakologische Arbeiten*. Vol. 3. Budapest: Akadémiai Kiadó. pp. 559–573.
15. Nagy, Z. (2011) *Vasyuganskíe khanty: Izmenenie religioznoy sistemy v XIX–XXI vekakh* [Vasyugan Khanty. Changes in the religious system in the 19th – 21st centuries]. Translated from Hungarian by D. Pushkash. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
16. Mogutaev, M. K. (1996) *Khantyysko-russkiy slovar' (vasyuganskiy dialekt)* [The Khanty–Russian Dictionary (Vasyugan dialect)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
17. Karjalainen, K.F. & Toivonen, Y.H. (1948) Ostjakisches Wörterbuch. *Lexica Societatis Fennougricae*. X/I–II.
18. Steinitz, W. (1967–1991) *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. 1–14. Lieferungen, Berlin: Akademie Verlag.
19. Tereshkin, N.I. (1981) *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of the Eastern-Khanty Dialects]. Leningrad: Nauka.
20. Filchenko, A.Yu. (2010) *Aspekty grammatiki vostochno-khantyyskikh dialektov* [Aspects of the Eastern-Khanty Grammar]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
21. Filchenko, A. (n.d.) *Indigenous Languages & Cultures of Siberia*. [Online] Available from: <http://www.policy.hu/filtchenko/Documenting%20Eastern%20Khanty/Vasyugan%20Language.htm> (Accessed: 11th July 2019)
22. Kalinina, L.I. & Filchenko, A.Yu. (2009) Khantyyskie teksty [Khanty texts]. In: Filchenko, A.Yu. et al. (eds) *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh tekstov yazykov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore texts of the languages of the Ob-Yenisei language area]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 12–44.
23. Karjalainen, K.F. (1905) Zur ostjakischen Lautgeschichte I. Über den Vokalismus der ersten Silbe. In: *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 23. Helsinki: Nimilehti painettu Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjapainossa.
24. Karjalainen, K.F. (1913) Wie Ego im Ostjakischen die Verwandten benennt. *Finnisch-ugrische Forschungen*. 13. pp. 207–295.
25. Karjalainen, K.F. (1918) *Jugralaisten uskonto. Suomensuvun uskonnot III*. Porvoo: WSOY.
26. Karjalainen, K.F. (1921, 1922, 1927) Die Religion der Jugravölker I–III. *Folklore Fellows Communications*. 41, 44, 63.
27. Karjalainen, K.F. (1995–1996) *Religiya yugorskikh narodov* [The Religion of Ugric Peoples]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Karjalainen, K.F. & Vértes, E. (1964) Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 128.
29. Karjalainen, K. F. & Vértes, E. (1975) Südostjakische Textsammlungen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 157.
30. Csepregi, M. (2011) *Vostochno-khantyyskie teksty s kontsa XIX veka* [Eastern-Khanty texts at the end of the 19th century]. Piliscsaba: Reguly Társaság. pp. 53–60.
31. Csepregi, M. (2018) [About the lexicon of the Ob-Ugric mythical songs]. *Yazyki i kul'tura narodov Arktiki kak polietnicheskogo regiona v usloviyakh globalizatsii* [Languages and culture of the Arctic as a multi-ethnic region under globalization]. Proc. of the International Conference. Khanty-Mansiysk. pp. 51–57.
32. Lukina, N.V. (ed.) (1990) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, Traditions and Tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka.